

М. А. Ариас-Вихиль

Москва, Россия

«Новый человек я, и моя обновлённая жизнь требует иных людей...»: история Лизы Дьяконовой, рассказанная ей самой и писателем Павлом Басинским

Аннотация. Материалом для новой литературной биографии Павла Басинского послужила книга Елизаветы Дьяконовой (1874–1902) «Дневник русской женщины» (М.: Захаров, 2004), изданный посмертно в 1905 году. Ее дневник отражает этапы ее становления как личности в борьбе за получение полноценного образования и возможности найти свое место в жизни. Он является ценнейшим эго-документом: Дьяконова ведет его в гимназии, потом на Бестужевских курсах, затем в Париже, став студенткой Сорбонны. Басинский прослеживает события жизни Дьяконовой, запечатленные талантливой девушкой, размышляя над ними и давая свой комментарий. Образ «обыкновенной русской девушки», хотя и несколько экзальтированной и непредсказуемой, созданный ее биографом Басинским, не вполне соответствует серьезности и амбициозности ее намерений и жизненных планов. Мировоззрение Дьяконовой, сформированное под влиянием культа героической личности и учения Льва Толстого, отличается целостностью и заставляет ее искать пути решения «женского вопроса» в России. Склонность к постановке философских проблем делает ее дневник важным свидетельством осмысления религиозных вопросов, проблем индивидуального существования, а также проблем женской эмансипации. Героиня Басинского оказывается волевой и сильной женщиной, способной идти до конца в поисках истины. Подвергнув переоценке привычные формы социальной жизни, она утверждает право женщины на высшее образование и свободу выбора собственного жизненного пути.

Ключевые слова: дневники; эго-документы; женская эмансипация; философия индивидуального существования; литературные биографии; русская литература; русские писатели; литературное творчество.

М. А. Arias-Vikhil

Moscow, Russia

«I am a New Person, and My New Life Needs New People...»: a Story of Liza D'yakonova Told by Herself and by the Writer Pavel Basinskiy

Abstract. The book by Elizaveta Dyakonova (1874–1902) «The Diary of a Russian Woman» (Moscow: Zakharov, 2004), published posthumously in 1905, served as the material for Pavel Basinsky's literary biography. Her diary reflects the stages of its formation as a person in the struggle to get a full-fledged education and the opportunity to find its place in life. He is the most valuable ego document: Dyakonova leads him to the gymnasium, then at the Bestuzhev courses, then in Paris, becoming a student at the Sorbonne. Basinsky traces the events of Dyakonova's life, captured by a talented girl, reflecting on them and giving her comment. The image of an «ordinary Russian girl», although somewhat exalted and unpredictable, created by her biographer Basinsky, does not quite correspond to the seriousness and ambitiousness of her intentions and life plans. Dyakonova's worldview, formed under the influence of the cult of the heroic personality and the teachings of Leo Tolstoy, is distinguished by its integrity and makes it look for ways to solve the «women's issue» in Russia. A penchant for posing philosophical problems makes her diary an important evidence of understanding religious issues, problems of individual existence, as well as problems of women's emancipation. The heroine of Basinsky is a strong-willed and strong woman who can go all the way in the search for truth. Having revalued the usual forms of social life, she affirms the right of women to higher education and the freedom to choose their own life path.

Keywords: diaries; ego-documents; female emancipation; philosophy of individual existence; literary biographies; Russian literature; Russian writers; literary creative activity.

Книга Елизаветы Дьяконовой «Дневник русской женщины» (М.: Захаров, 2004), которая привлекла в свое время внимание Павла Басинского, известного писателя и автора литературных биографий Максима Горького и Льва Толстого, не оставляла его долгие 14 лет, и вот в 2018 году ее героиня оказалась в центре его новой литературной биографии.

Это не удивительно: книга Елизаветы Дьяконовой несет в себе мощный энергетический заряд и является великолепным образцом эго-документа, документальным свидетельством, заставляющим вспомнить гениальные слова Варлама Шаламова: «В документе — во всяком документе — течет живая кровь времени» [Шаламов 1998: 380].

Елизавета Дьяконова принадлежала к поколению 1870-х годов, поколению женщин, стремящихся к образованию, самореализации, творчеству, активно ищущих свой путь в жизни, чья деятельность заставила говорить о женской эмансипации, о первой волне феминизма: многие из них оставили воспоминания о своей жизни, автобиографические романы и дневники. К этому поколению принадлежа-

ли писательницы, актрисы, общественные деятельницы (назовем, к примеру, Лесю Украинку и Сибиллу Алерамо, Аду Негри и Грацию Деледда, Сидони-Габриэль Колетт и Жоржетт Леблан, ученицу Гурджиева и многолетнюю спутницу Метерлинка, Анну Кулишову, Анжелику Балабанову и Еву Амендола, Софью Ковалевскую). Павел Басинский воссоздает краткую историю русского феминизма на примере деятельности Надежды Стасовой и Анны Философовой, университетской профессуры и самих «бестужевок».

Елизавета Дьяконова оказалась в числе волевых, образованных русских женщин, которые уезжали в Европу для получения высшего образования, учились в университетах Франции, Италии, Швейцарии, куда охотно принимали российских девушек. Как с юмором вспоминал писатель и краевед Алексей Золотарев, в Неаполитанский университет можно было поступить чуть ли не по багажной квитанции [Золотарев 2016: 467]. В России, как и в Европе, «женский вопрос» — проблема женской эмансипации, высшего образования и оплачиваемого труда

для женщин — стоял очень остро. Он проходит красной нитью сквозь повествование Дьяконовой. Экскурсы в историю вопроса, сделанные Басинским, являются отступлениями, которые необходимы писателю для углубления и разработки этой сложнейшей, хотя и очевидной на первый взгляд проблемы.

Русские женщины в Европе, их участие в европейской общественной и культурной жизни — важная тема типологии русской культуры. Русские эгерии и музы спустя всего каких-нибудь десять лет после смерти Е. Дьяконовой стали европейским социокультурным феноменом, которым увлекается популярная литература, но который еще не поддается научному исследованию. Елена Дьяконова (Гала Дали), Соня Делоне, Дина Верни, Надя Леже, Эльза Триоле и многие другие российские женщины имели большое влияние на европейскую культуру. Дорогу проложила Мария Башкирцева, воссоздав духовный облик художественно одаренной девушки в своем дневнике, высоко оцененном современниками и потомками. На долю дневника Елизаветы Дьяконовой такого успеха не выпало, хотя амбиций у нее было ничуть не меньше, чем у Башкирцевой. Басинский справедливо проводит сравнение этих двух ярких эго-документов. Дневник Дьяконовой отличается более глубокой проработкой экзистенциальных и социальных вопросов, он воссоздает духовную жизнь русской провинции, Петербурга, Парижа, Лондона в тончайших штрихах, жестах, разговорах, субъективных переживаниях и, конечно же, воспроизводит круг чтения героини и ее современников, определявший духовный климат эпохи.

Лиза живо интересуется европейскими достопримечательностями и самими европейцами: «Передо мной был светлый, ласкающий Париж, весь залитый яркими лучами весеннего солнца. <...> И здесь я увлекаюсь искусством. Какие музеи! какая скульптура! У нас в России нет ничего подобного». А вот описание Лондона: «Город громадный, город-чудовище раздавил, уничтожил меня. Бесконечные улицы, однообразные дома... до такой степени однообразные, что можно позвонить, войти и не заметить, что это чужой дом. Осматриваю Лондон. Была в Вестминстерском Аббатстве, в Национальной галерее. Огромные расстояния и трудность объясняться очень утомляют меня» [Дьяконова 2004]. Для Лондона Елизавета Дьяконова составляет отдельную программу: «Я составила себе целую программу, что делать: по приезде прежде всего — овладеть немного языком, а потом — ознакомиться с женским движением и физическим воспитанием детей, с народными университетами. Всё это полезно — и пригодится в моей будущей деятельности». Какой же видится Елизавете Дьяконовой ее будущая деятельность? «Я вспомнила курсы и наши пылкие мечтания о работе на пользу народа... и мою гордую радость, при мысли, что, изучая юридические науки, я прокладываю женщинам новую дорогу и потом буду защищать её человеческие права...» [Дьяконова 2004].

Однако где бы ни находилась героиня Басинского, она неутомимо и мучительно пытается разрешить вечные вопросы — о смысле индивидуального бытия. Ее тайная история и есть это умение в

суете повседневности не упускать из виду главные вопросы: «Для чего?», «Зачем?», умение увидеть детали общей картины, которые поставят под сомнение саму ее суть. Поэтому ее не увлекают ни модные революционные теории, ни социалистические идеи. Думать, что это дневник «обыкновенной девушки», как стремится представить его сама героиня, было бы огромным заблуждением. Это дневник странной женщины, или страстной женщины, поживавшей «призраком буржуазного существования» и личным счастьем ради поиска истины. Она гениальна своей страстностью в поисках истины, не меньше, чем ее кумир Лев Толстой: «Его слово было этим божьим духом. В гениях есть нечто сверхъестественное. Моя любовь к нему — безгранична». Безупречны и неизмеримо глубоки ее характеристики русского гения: «Что будем мы, русские, без Толстого? Ведь единственное, чем мы можем гордиться, что мы создали действительно своего за это столетие — это наша литература. Она — наша слава, наша гордость, и Толстой явился миру как мощное проявление народного русского духа, как совесть русского народа, которая, расширяясь и отбросив национальные рамки, стала всемирною совестью» [Дьяконова 2004]. Душа Дьяконовой настроена по камертону Толстого: она судит о России и о мире, руководствуясь этой формулой «всемирной совести» (вспомним ее рассуждения о смертной казни в споре с французским доктором).

С детства ее культ — героические личности, великие люди, гении. Наполеон или Иоанн Кронштадтский — именно они владеют умами современников, прокладывают новые пути человечеству: «Жестко ошибаются те, кто считает жизнь пустой, ничтожной, скверной, да и вообще все, которые недовольны жизнью, потому что от человека же зависит сделать её бессодержательной или прекрасной и высокой...» [Дьяконова 2004]. Еще в гимназии единственной отрадой Лизы стали книги: «Боже, как счастлив тот человек, который может создавать великие произведения, которые по прошествии ста и более лет живут, говорят прямо сердцу и невольно возбуждают людей к чему-то лучшему, высшему будничной жизни? Гении — счастливейшие избранники всего человечества» [Дьяконова 2004].

Учителя Лизы считают ее самобытной, оригинальной, хорошо владеющей пером, но этого ей мало. Для нее важно найти ответ на главный вопрос: «К чему готовить себя в жизни?». Басинский в одном из интервью замечает: «У меня книга имеет посвящение — “памяти русского феминизма”, после этой истории я совершенно по-другому стал понимать историю женского движения в мире, в России. Стал понимать, какое море слез было пролито женщинами, на протяжении веков, для того чтобы добиться просто права считаться человеком» [Басинский 2018].

Как «обыкновенные» русские женщины готовились к жизни, какие воззрения на судьбу женщины были распространены в интеллигентной среде, показывает еще один яркий документ этого времени, только что введенный в научный оборот Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук — переписка Александры

Волжиной, сестры Е. П. Пешковой, со своим женихом Адамом Богдановичем в книге «М. Горький и А. Богданович: дружба, рожденная на берегах Волги. 150-летию со дня рождения Максима Горького посвящается» (М.: Художественная литература, 2018 / сост., отв. ред. Д. С. Московская). Юная Александра пишет жениху: «Помнишь, на Пасхе как-то ты говорил о женщинах и отвел им очень неприглядный уголок в жизни. Ты говорил, что на курсы идут только те, которые не могут выйти замуж. О, как ты мне был тогда отвратителен! Я даже не верю теперь, что это ты сказал такую вещь! Ты тогда говорил, что женщина должна быть хорошей матерью и женой и только... Остальное значит не их ума дело <...> Как было больно, что человек, которого я начала считать одним из лучших людей в мире, говорит такие прямо унижительные для него вещи» [Горький и Богданович... 2018: 54].

Сестры Волжины — из обедневших дворян, обе хотят работать и зарабатывать на жизнь самостоятельно. Екатерина поступает корректором в 1895 году в «Самарскую газету», где и знакомится со своим будущим мужем Максимом Горьким. Ее младшая сестра Александра становится учительницей, о чем с гордостью сообщает своему жениху А. Богдановичу: «Теперь сообщу тебе новость. С первого октября я начну заниматься в школе приходской, для мальчиков. Открывается отделение и я назначена. Ты ведь знаешь, что я была назначена первой кандидаткой. Отказаться не могу я, т. к. деньги нужны, а учительницы получают 35 р. Теперь я зарабатываю 32, но очень устаю с беготней, да 32 рублей не хватает нам, приходится брать у Кати, а у ней у самой нет» [Горький и Богданович... 2018: 99]. Стремление к самостоятельности, к образованию, к обретению профессии стало смыслом жизни этого поколения русских женщин. Однако выбор профессий был невелик: акушерка или учительница. Когда Александра получает предложение из приходской школы перейти в гимназию, ее энтузиазму нет предела: «Теперь у ней частная женская гимназия и она предлагает мне место учительницы по русскому языку и арифметике в младших классах, чтоб в то же время быть классной дамой. Завтра я узнаю, когда откроют отделение при приходской школе, и если нескоро, то поступлю в гимназию — тогда я буду важная, важная! Ты только подумай! настоящая учительница!» [Горький и Богданович... 2018: 101].

В письмах жениху Александра излагает характерные для дворянских девушек взгляды на любовь: «Я чувствую какое-то отвращение ко всем проявлениям любви. Мне чудится, что это ее унижает. Кажется, что это уже не любовь, а какое-то животное чувство. Я не такой любви хочу. <...> Будем любить друг друга, как ангелы на небе <...> Будем вместе заботиться о счастье всего мира» [Горький и Богданович... 2018: 31]. Дьяконова отмечает такое же отсутствие понимания брака у младшей сестры Вали: «Таким образом, выходя замуж, сестра была похожа на овцу, которая не знает, что её через несколько времени заколют. Я слыхала и раньше, что ужаснее этого нет ничего <...> И однако Толстой, не обинуясь, признаёт женщину “более слабым ду-

ховно существом” <...> “хорошая семейная жизнь возможна только при сознательном, воспитанном в женщинах убеждении в необходимости всегдшнего подчинения мужу”» [Дьяконова 2004].

Замужество младшей сестры Вали внушает Лизе глубокое сожаление: сестре пришлось отказаться от учебы на Бестужевских курсах, от жизни в Петербурге, она попала в настоящее семейное рабство. В этом Елизавета видит глубокое пренебрежение общества интересами женщины, ее личностью. Отсутствие выбора для женщины — вот проблема, которая волнует ее: «А как я дорожу этим правом — свободно располагать своею личностью! Бог один знает, какое оно для меня недоступное сокровище» [Дьяконова 2004]. Лиза делает выбор в пользу безбрачия после чтения «Крейцеровой сонаты», запрещенной цензурой, но ходившей в списках и ставшей настоящим откровением для современников: «Я хочу одного и только одного: учиться. Я чувствую, что слишком мало знаю и слишком неразвита, чтобы вполне вступать в жизнь» [Дьяконова 2004].

В письмах сестре Александре Екатерина Пешкова, уже будучи женой Максима Горького и матерью их сына Максима, отговаривает сестру от замужества, рождения детей: ей важно, как и Елизавете Дьяконовой, чтобы младшая сестра продолжила образование, стала личностью, имела профессию, получала плату за свой труд. Предстоящий брак перечеркнет все планы. Просвещая свою будущую жену, Богданович, как и Дьяконова, обращается к творчеству Толстого: «Во всем мире есть только один смельчак, который имеет необыкновенное мужество изображать любовь так, как она есть, во всем ее объеме, во всех ее проявлениях и видоизменениях. Это — Толстой. Еще в молодости он написал повесть «Семейное счастье» (рекомендую ее твоему вниманию), где изобразил любовь не только до брака, но и после брака» [Горький и Богданович... 2018: 66–67]. Судьба поддавшейся на уговоры жениха 18-летней Шурочки вопреки противодействию сестры и матери складывается еще более трагически, чем судьба Вали, сестры Елизаветы: через год Александра умирает в родах.

Произведения Толстого стали настоящим учебником жизни для молодежи. Его героиня размышляет: «Невольно я подошла к полке книг и перечла вновь “Крейцерову сонату”. Каким глубоко нравственным произведением показалась она мне! Ещё более я поняла величие гения Толстого в его откровенных признаниях, сознании испорченности, в призыве молодежи к нравственности? Это было известно всем, но Толстой первый осмелился говорить, и за это его обвиняли чуть ли не в разврате» [Дьяконова 2004]. Еще один роман становится культовым для героини Басинского: «Десятый раз перечитывала “Отцов и детей”. Я знаю почти наизусть этот роман. В нём мои симпатии постоянно привлекает Анна Сергеевна Одинцова, её холодность и спокойствие; моё самолюбие удовлетворяется тем, что Базаров, всё отрицающий, ни во что не верующий, циник и нигилист — полюбил именно такую женщину, и несчастливо. Она оказалась неизмеримо выше его». Басин-

ский недаром останавливается подробно на круге чтения своей героини: именно книги формировали мировоззрение Е. Дьяконовой, ее мироощущение первопроходца на путях женской эмансипации.

Елизавета хорошо ориентируется и в зарубежной литературе, которую она читает в оригиналах. Ее интерес неизменно привлекают выдающиеся женщины, которые сумели достичь в своем развитии высот, которые не покоряются и мужчинам! Так, еще гимназисткой она мечтает о том, чтобы последовать их примеру: «Удивительная женщина была m-me Stael, ведь недаром называли её гениальной. В наше время таких нет. Какая она была умная! Семнадцати лет, когда наши девушки начинают только о выездах думать, она уже издавала “Письма о Ж. Ж. Руссо” {Сочинение Жермены де Сталь (1766–1817) “Письма о произведениях и личности Ж. Ж. Руссо...” было опубликовано в 1788 году.}. Хорошо сочинять; мне иногда самой хочется что-нибудь написать, да всё лень, всё кажется, что не умею». Она зачитывается шиллеровской трагедией «Мария Стюарт» — вот ее подлинная героиня, чья драма «написана кровью»: «Прочла “Марию Стюарт” {Трагедия Ф. Шиллера.} в оригинале. Эта страстная трагедия как нельзя более соответствует моему теперешнему настроению. Читая монологи Марии Стюарт, кажется, что они написаны не пером, а кровью — так всё ярко, страстно, живо» [Дьяконова 2004].

Дьяконова выделяет судьбу А. Я. Панаевой: «Зависть берёт к иным людям, Вот, например, воспоминания г-жи Головачёвой-Панаевой {А. Я. Панаева (1820–1893), писательница, мемуаристка. Ее воспоминания “Русские писатели и артисты. 1824–1870” печатались в NoNo 1–11 журнала “Исторический вестник” за 1889 год.}. Сколько интереса! Сколько видела она, с какими образованными людьми находилась с самого детства! <...> Если ей с малых лет приходилось вращаться в той среде, где главное — искусство, требующее более или менее умственного развития, то как же тут не позавидуешь! У г-жи Головачёвой отец и мать Брянские — артисты императорского театра, у них постоянно бывало большое общество, актёры и театралы, — есть что вспомнить, даже и с раннего детства. А потом — какое у неё бывало блестящее литературное общество! Островский, Некрасов и другие!» [Дьяконова 2004].

Литературные способности самой Лизы с детства отмечены окружающими («Александр» Ник<олаевна> решительно угадывает мои мысли: она советовала мне вести дневник, и так, чтобы можно было впоследствии его издать»). Басинский замечает по этому поводу: «С неким П. они пишут комедию “Провинция”, по-видимому, о нравах российской глухомани, столь далекой от мирового просвещения и науки. Она отправляет свои стихи в газету “Северный край” под псевдонимом Е. Нерехтская...» [Басинский 2018: 37].

Однако именно ведение дневника стало главным делом ее жизни, оно требует от Елизаветы немалой концентрации сил, так как в дневнике она пытается осознать свои духовные потребности, проанализировать происходящее с ней и вокруг нее, отдать себе отчет в собственном максимализме и

бескомпромиссности, а затем и болезни, которые становятся причиной ее тотального одиночества. Сравнивая свой дневник с дневником Башкирцевой, она замечает: «Написав свой дневник, Мария Башкирцева думала оставить “фотографию женщины”, и ошиблась: её дневник, выходящий из ряда обыкновенных, не может представить “фотографию женщины” — в нём она писала искренно и правду <...> Я буду писать о себе, ещё одной “фотографией женщины” будет больше. Но я женщина изломанная, если можно так выразиться, я полна противоречий самой себе, у меня неровный характер. Прежде всего, — что я такое? я и сама не могу сказать. Находятся люди, называющие меня странной. Это неправда: я очень обыкновенна; даже моя наружность — мое отчаяние» [Дьяконова 2004].

В самом начале своего повествования Басинский упоминает фотографию Лизы с распущенными волосами, с взглядом, скользящим вниз по диагонали — это ее любимая фотография, которая отражает двоемирие ее души, скрытое от окружающих: «Странно: во мне точно два человека: один — домашний, который живёт в семье, болтает вздор, ссорится с матерью, а другой — живёт совершенно особенно, своею внутренней жизнью, отдаваясь то радости, то печали. <...> Я так и живу раздвоено» [Дьяконова 2004].

Можно ли признания Лизы, как и ее фотографию, рассматривать в качестве образца русского декаданса, как предлагает ее биограф Павел Басинский? «Отраженная» болезнь Лизы, доставшаяся ей в наследство от отца, объективно отделяет ее от окружающих, позволяя уйти в свой мир, созданный ее воображением. Болезнь настаивает на самом неподходящее время, мешает ей сдать вовремя экзамены, но одновременно она служит ей экраном, защитой от окружающих, позволяя ни с кем не сближаться, ни к кому не привязываться. Лиза хочет достичь вершин образования, окончить Сорбонну, стать первой женщиной-юристом в России. Но ее будущая карьера имеет чисто умозрительный характер: она — еще одно жизненное препятствие, которое надо преодолеть, чтобы доказать окружающим, что любое препятствие может быть преодолено «русской женщиной».

Символично ее последнее путешествие в горы: в одиночку, вопреки мнению окружающих, вопреки ненастной погоде — еще одно преодоление себя, связанное с противостоянием многочисленным рискам, которые привели ее к трагической гибели. Ее целеустремленность и решительность, как и опущенный вниз взгляд на фотографии, отвергающий саму идею коммуникации с миром, отказ от себе-седника, ее страстность указывают на невозможность определить суть ее интеллектуального усилия преодоления жизни как дань декадансу. Ее противостояние обществу сродни попытке Ницше переоценить ценности. Ницше называл себя знатоком декаданса, однако целью его было создание новых форм жизни, по которым могло бы жить человечество. Попытка Лизы не менее амбициозна: она отвергает предлагаемые ей формы социальной жизни как устаревшие и нежизнеспособные, опрокидывая одну схему за другой. Ее болезнь, как и болезнь Ницше, служит катализатором ее поступков, идущих вразрез

с привычными представлениями, категорических и необратимых жизненных решений. Таким образом, настроение героини, принятое Басинским за настроенное упадка, оборачивается своего рода новым жизнетворчеством: «Вместе с тем я чувствую себя иногда так легко, дышится так вольно... и чувствую в груди моей какой-то прилив силы необыкновенной: мне хочется борьбы, подвига, чтобы показать эту силу, которая, кажется, так и рвётся наружу... Дыхание занимает... иногда кажется, — весь мир был бы в состоянии перевернуть... Мне хочется действовать, идти, ехать — куда-нибудь, а главное — дела, дела! Хочется разом увидеть весь мир, и глубокое-глубокое отрадное чувство свободы переполняет всю душу. Да? и я — свободна? и я могу ехать, куда хочу, делать — что хочу, поступать — как хочу, и меня уже более не связывают эти цепи рабства» [Дьяконова 2004].

Однако за время обучения на Бестужевских курсах ее неудовлетворенность окружающей жизнью и собственным выбором только нарастает: «С мыслью стать народной учительницей поступила я на курсы, — согласно с нею была и моя научная подготовка и избранный мною факультет. Но... четыре года назад, накануне этого самого дня, за всеобщей в Ярославском соборе, в темном углу стояла пламенно молящаяся девушка; через 4 года, сегодня — за столом сидит она... и только внешность осталась прежняя, — я бы хотела, чтобы кто-нибудь мне указал, — что в лице осталось прежнее» [Дьяконова 2004]. Мысль стать народной учительницей уже не увлекает ее, она решает продолжить образование в Париже, на юридическом факультете Сорбонны. Разочарование в карьере учительницы лишь подтверждает последовательность ее поведения и силу воли и характера — то, что достигнуто, оставлено позади. Е. Дьяконовой нужны новые цели и новые препятствия для их преодоления: «Да, вышла я, было, на дорогу и думала пойти по ней уже без препятствий; но спустился туман, не вижу теперь, — куда идти, и должна ожидать, пока не рассеется...» [Дьяконова 2004].

Характерно в этом смысле и ее отношение к любви. Выйдя из юношеского возраста и став студенткой Сорбонны, Лиза превращается в красавицу, у нее роскошные волосы, элегантная одежда, в нее влюбляются, а одному из них она разрешает стать своим пажом. Однако она не отказывается от идеи безбрачия, отвергая предлагаемые ей формы любви и выбрав любовь невозможную: к человеку, к которому она приходит на медицинские консультации в связи со своей болезнью. Но даже и в этой ситуации она нацелена на преодоление себя и своих чувств, старается видеть доктора реже, чем могла бы, уезжает в Лондон, чтобы переживать свою любовь подалше от ее объекта.

Нигилизм Толстого в отношении существовавших общественных институтов, в том числе и брака, становится главной идеей, необходимой Лизе для самоутверждения во враждебном ей мире, полном препятствий, которые она согласна преодолевать любой ценой. Даже ценой собственной жизни, как показывает ее трагический финал. Таким образом, анализ содержания дневника Лизы Дьяконовой

не позволяет признать ее «обыкновенной русской девушкой», как пишет Павел Басинский. Это сильная и волевая русская девушка, эгоцентричная, наделенная острым аналитическим умом и пронизательностью, творческим потенциалом, своего рода сверхчеловек Ницше, *Überfrau*. Может быть, у нее и нет особых талантов, но есть уникальный дар не останавливаться на достигнутом, постоянно испытывать духовное беспокойство, пребывать в мучительном поиске истины. Личность она далеко не заурядная, о чем свидетельствует постановка вопросов в ее дневнике и проведение в жизнь собственных решений.

«Модные веяния» культуры декаданса и символизма Дьяконова подвергает суровой ревизии. Свои взгляды на современное ей мироощущение она излагает в связи со знакомством и общением с Юргисом Балтрушайтисом, с которым в 1899 году тайно венчалась (вопреки воле родителей) ее двоюродная сестра М. И. Оловянишникова: «Я никогда не забуду, как летом Д-с {Так (иногда Д.) в изданных дневниках Е. Дьяконовой обозначен Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873–1944), к моменту упоминания — студент Московского университета, впоследствии поэт-символист, переводчик, дипломат.}, всё время твердивший о тяжести жизни, вечно погружённый в пессимизм, сказал: “если я женюсь, то мой брак будет эстетико-психологическим”, и этого достаточно было, чтобы он сразу наполовину упал в моих глазах. Я не удержалась и сказала: “ведь это абсурд, признавая бессмысленность и тяжесть жизни, — жениться и производить на свет ещё более несчастных существ...” Он, несколько не задумываясь, отвечал: “да ведь я же не думаю о детях...”. Чудный ответ! Похвальная откровенность! <...> Таня — очень привлекательная, оригинально-изящная, поэтическая девушка, он — даровитый юноша, поэт, мечтатель, и оба — поклонники Ибсена, д’Аннунцио, Метерлинка, Ницше... их точно создали все модные веяния. Бедные поэтические дети! <...> 29 августа. Завтра свадьба Тани с Д-сом <...> Соединение двух родственных душ, двух туманных мистиков, двух больных детей нашего болезненного времени, полного всяких аномалий. Будет ли она с ним счастлива, как думает? Ах, отчего так мало на свете сильных духом, отчего так мало героев, отчего так мало борцов за идеи?! Отчего?!» [Басинский 2018: 116–117].

Мысли о смерти являются оборотной стороной желаний утвердить себя во враждебном мире. Лиза очень рано проявила интерес к теме смерти и трактует ее, как правило, парадоксально. «Смерть — освобождение “я” от зла» — в этом высказывании жизнь и смерть меняются местами, жизнь становится злом, смерть благом. Ее рассуждения о смерти, так же как и рассуждения о вере, носят экзистенциальный характер. Она приходит к выводу, что вера нужна лишь потому, что существует смерть: «Мы слишком мало думаем о смерти во время жизни, а между тем именно о ней-то и следует помнить более и чаще всего, так как в ней одной только мы можем быть уверены; мы ничего не можем сказать о своей жизни» [Дьяконова 2004].

Индивидуальное бытие Лиза рассматривает в философских категориях экзистенциализма — как

«бытие-к-смерти», «бытие-для-других», «бытие-для-себя». Таким образом, рассуждения о смысле индивидуального существования делают Дьяконову не только стихийной феминистской, как об этом пишет Басинский, но и стихийной экзистенциалисткой. В ее мировосприятии сильно философское начало, желание и умение сформулировать важные мировоззренческие вопросы.

Парижский дневник Дьяконовой открывается описанием болезни, вызванной отчасти невозможностью, перемещаясь в пространстве, освободиться от преследующих ее мыслей о неспособности найти свое место в жизни, свой путь: «Кажется, опять начинается со мной старая история. Опять это ужасное состояние. Оно подкрадывается так тихо, так незаметно, как ядовитая змия... А я уже чувствую её жало. Точно обруч какой сжимает голову, сначала слегка, потом сильнее и сильнее... Ничего не хочется делать, читать, работать — сил нет, умственных сил... Эта проклятая головная боль уничтожает их. И от сознания своего бессилия, своей неспособности к работе — отчаяние, ужас. Душа вся болит, в ней нет живого места, и тоска безграничная, отчаяние страшное охватывает её...» [Дьяконова 2004].

Эта невозможность вписаться в окружающую жизнь и общество — причина или следствие болезни? Елизавету охватывает ужас, когда она всматривается в свое умственное состояние: «Временами мне казалось, что я начинаю сходить с ума... Я боялась даже в дневнике признаться себе самой в этой мысли» [Басинский 2018: 101].

Жизнь дома была для нее невыносимо тяжела, воспоминание о курсах было столь же мучительно... В этой «земле обетованной» она не обрела родственной души, друзей и подруг, страдала от одиночества: «Я чувствовала, что нервное моё состояние было прямо ужасно: я была точно разбитое фортепиано, до которого нельзя было дотронуться, оно издавало фальшивый, дребезжащий звук. <...> Смерть! когда подумаешь, что рано или поздно она является исходом всякой жизни, а я — молодая, красивая, интеллигентная женщина — и не испытала её единственного верного счастья, — взаимной любви, без которой не может существовать ничто живое, мыслящее, чувствующее... Невероятная злоба поднимается в душе, и хочется бросить бешеные проклятия — кому? чему? слепой судьбе?» [Дьяконова 2004].

Однако ее болезнь рассматривается парижским доктором не как болезнь, а как некое экзистенциальное состояние: «Вспомните слова Священного Писания: “Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное”... Не знаю, как Вы относитесь к этим словам, но вот как их понимаю я: ищущий — никогда не найдёт, мыслящий — никогда не поймёт, выискующий знания — никогда не узнает; человек — пленник своего разума, он хочет выйти из положенных ему пределов, надеется, что наука приблизит его к бесконечности, но он лишь раздвигает границы своего бессилия: чем больше он узнаёт, тем яснее понимает, сколь ничтожно его знание, и тем больше он страдает, чем больше он страдает — тем сильнее проклинаяет жизнь, чем сильнее проклинаяет жизнь — тем сильнее он жаждет смерти. Такова,

мадмуазель, природа и вашей болезни. Это замкнутый круг, и Вам из него не выйти. Смиритесь, научитесь быть никем, даже если Вам кажется, что Вы нечто значительное. Вы не можете стать меньше, чем Вы есть, но Вам и никогда не стать больше. <...> Поймите это, научитесь этим довольствоваться, и Ваша болезнь станет столь же бессмысленной, как и Ваша жизнь. <...> Единственный совет, который я могу Вам дать, — это научиться тратить свою энергию на работу, не задавая себе ни малейшего вопроса о будущем и Вашей грядущей судьбе. Когда Вы приехали во Францию, Вы знали о Вашем будущем не более теперешнего, и всё-таки Вы ведь приехали: итак, сделайте же теперь то же, что и тогда — действуйте и не терзайте себя бесполезными вопросами, хозяином своей судьбы можно стать лишь тогда, когда сам за себя не отвечаешь. Поверьте, мадмуазель, что моё искреннее желание помочь Вам вернуться к душевному равновесию, не просто формула вежливости, призванная завершить это письмо» [Дьяконова 2004]. Лиза оценила послание парижского доктора. Его аргументы относятся к области феноменологии М. Хайдеггера, «философии поступка» М. Бахтина, философии «бесцельного действия» Мальро и Камю. Так он вывел ее на путь осознания смысла индивидуального бытия в категориях философии существования. Действительно, это не формулы вежливости, но формулы философии экзистенциализма: «Несмотря на то, что всё это письмо — одно бесстрастное, отвлечённое рассуждение, каждое слово, каждая буква в нём — дороже всех сокровищ мира» [Дьяконова 2004].

Французскому доктору Лиза дарит портрет Толстого: в то время Толстой был болен. В дневнике Лизы появляются пророческие слова: «Сердце было полно; слёзы навертывались на глаза, и ужас и горе охватывали душу. Мы и так достаточно несчастны. Что ж — неужели ещё мало?! неужели судьба отнимет у нас нашу славу, нашу гордость — как раз в тот момент, когда, быть может, мы переживаем подготовительные минуты перед неизбежной впереди революцией? <...> Когда человечество теряет великий ум — тяжелая потеря. Какова же она должна быть, — когда мы теряем не только великий ум, но и великое, святое сердце?.. Он искал истину. Быть может, никому из нас не дано найти её, — но в этом искании, в этом бесконечном стремлении души к идеалу — и есть святость...»

Он светил всему человечеству, не только нам. Немного найдётся гениев в истории человечества, и вряд ли есть равный Толстому гениальный человек — великое сердце, великая душа...» [Дьяконова 2004].

Дьяконова предъявляет высокие требования и к себе самой и к окружающим. Поэтому расценивает знакомства свои на курсах как неудачные, вступление в «кружок» как провал. Человеческие качества — вот что выходит на первый план в ее отношении к окружающим. Характерна в этом смысле такая запись в дневнике: «Сегодня же узнала ошеломляющее известие: Кареев и Гревс ушли с курсов и из университета. Они в числе тех профессоров и приват-доцентов, которые “уволены” заодно, так сказать, со студентами после второй забастовки. В

Карееве мы теряем “имя”, в Гревсе — человека» [Дьяконова 2004].

В письме одному из членов Неплюевского братства, опубликованном вместе с ее дневником, Дьяконова замечает: ««Да, могу сказать, что я за это время изучила вашу братию, — и сколько жестокости, бессердечия, сухости в мужском сердце! Без преувеличения могу сказать, что прав Максим Горький в рассказе “Однажды осенью”. Прочтите этот чудный маленький рассказ... Чем дольше живёшь — тем больше видишь нравственного безобразия рода человеческого. И вот почему я всем сердцем и душой люблю искусство и литературу: эти области стоят вне власти человеческой, их нельзя присвоить, унижить, обезобразить. Красота есть нечто вечное, стоящее вне раздоров. <...> Мадонны Рафаэля, сочинения Гёте, Гюго, Толстого — вечны, доступны для всех народов; для них — нет границ, и войн, и вражды» [Дьяконова 2004].

После мучительных раздумий о судьбе женщины в России в дневнике Лизы звучит настоящий гимн русской женщине: «Женщины рады работать, и как работают на всех открытых им путях деятельности! Смело можно утверждать, что в России — воскресные школы своим существованием обязаны женщинам едва ли не больше чем мужчинам, равно как и другие просветительные учреждения последнего времени: бесплатные библиотеки, читальни, вечерние классы, дешёвые столовые. Где бы ни открылась женщине возможность приложения своей энергии, своего труда, — она смело идёт туда и работает ничуть не хуже мужчины» [Дьяконова 2004].

Что касается «невывышенного романа» Павла Басинского о своей героине, то, возможно, он недооценил ее. Совсем недостаточно «посмотреть на нее», надо долго всматриваться, помня о том, что «видеть можно только сердцем», как говорил А. Экзюпери. Да и сам факт, который писатель посчитал наиболее интересным в ее жизни, ее смерть в горах, требует иного осмысления. В свете философии существования, к которой была склонна героиня, ее путь закончился на вершинах, она ушла, но не сдалась: «Если бы я обладала талантом Грановского, страстностью же Белинского — я бы пошла на кафедру и стала бы “учителем жизни”... Но я — человек обыкновенный, да ещё мои способности подкошены нервами — мне остаётся одно: бороться по

мере силы одной, а затем, в случае — уйти, но не сдаться!! Новый человек я, и моя обновлённая жизнь требует иных людей...» [Дьяконова 2004].

ЛИТЕРАТУРА

Басинский П. В. Посмотрите на меня. Тайная история Лизы Дьяконовой. — М.: АСТ: Астрель; Редакция Е. Шубиной, 2018.

Басинский П. В. Прошлое висит на нас гирями [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3515293> (дата обращения: 07.10.2018).

Дьяконова Е. А. Дневник русской женщины [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://itexts.net/avtor-elizaveta-dyakonova/274376-dnevnik-russkoy-zhenschiny-elizaveta-dyakonova/read/page-1-25.html> (дата обращения: 07.10.2018).

Золотарев А. А. Campo Santo моей памяти. Мемуары. Художественная проза. Стихотворения. Публицистика. Философские произведения. Высказывания современников / отв. ред. Д. С. Московская. — СПб.: Росток, 2016.

М. Горький и А. Богданович: дружба, рожденная на берегах Волги. 150-летию со дня рождения Максима Горького посвящается / сост., отв. ред. Д. С. Московская. — М.: Художественная литература, 2018.

Шаламов В. Т. <о моей прозе> // Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. — М.: Худ. лит.; Вагриус, 1998. — Т. 4. — С. 380.

REFERENCES

Basinskiy P. V. Posmotrite na menya. Taynaya istoriya Lizy D'yakovoy. — M.: AST: Astrel'; Redaktsiya E. Shubinoi, 2018.

Basinskiy P. V. Proshloe visit na nas giriyami [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/3515293> (data obrashcheniya: 07.10.2018).

D'yakonova E. A. Dnevnik russkoy zhenschiny [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <https://itexts.net/avtor-elizaveta-dyakonova/274376-dnevnik-russkoy-zhenschiny-elizaveta-dyakonova/read/page-1-25.html> (data obrashcheniya: 07.10.2018).

Zolotarev A. A. Campo Santo moyey pamyati. Memuary. Khudozhestvennaya proza. Stikhotvoreniya. Publitsistika. Filosofskie proizvedeniya. Vyskazyvaniya sovremennikov / отв. ред. Д. С. Moskovskaya. — SPb.: Rostok, 2016.

М. Gor'kiy i A. Bogdanovich: druzhba, rozhdennaya na beregakh Volgi. 150-letiyu so dnya rozhdeniya Maksima Gor'kogo posvyashchaetsya / sost., отв. ред. Д. С. Moskovskaya. — M.: Khudozhestvennaya literatura, 2018.

Shalamov V. T. <o moyey proze> // Shalamov V. T. Sobr. soch.: v 4 t. — M.: Khud. lit.; Vagrius, 1998. — T. 4. — S. 380.

Информация об авторе

Марина Альбиновна Ариас-Вихиль — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Архива А. М. Горького, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (Москва).

Адрес: 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25А.

E-mail: marina.arias@mail.ru.

About the author

Marina Albinovna Arias-Vikhil — Candidate of Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (Moscow).